

DOI 10.32726/2411-3417-2021-1-7-35

УДК 140.8; 94(47)

Наталия Нарочницкая

Историческое сознание и идеология на поворотных этапах российской истории

Аннотация. Эволюция исторического сознания российского общества XIX–XX вв. показывает его способность играть ключевую роль в драматические моменты истории, когда первостепенная ценность континуума национальной государственности подвергается внешней или внутренней атаке. Максималистская «рецепция» марксизма российской интеллигенцией вылилась в полный нигилизм и рвение пожертвовать государственностью ради мировой революции. Напротив, возвращение в 1930-х годах в советскую доктрину государственно-патриотических ценностей позволило одержать победу во Второй мировой войне. Новые идеологические, но столь же нигилистические максимы привели ко второму краху государства в 1991 г. Сегодня, в эпоху информационных технологий и всестороннего давления, историческое сознание общества, прежде всего новых поколений, особенно подвержено стремительным изменениям и альтернативным крайностям, что определяет колоссальную роль исторического, гуманитарного образования в сохранении духовного суверенитета и общенационального сознания как его ядра.

Ключевые слова: государство, Отечество, преемственная государственность, исторический нигилизм, русская история, историческое сознание, информационные технологии.

Отношение Запада к России и процессы в российском общественном сознании в юбилейный период 75-летия Великой Победы — во многих отношениях уникальной в истории человечества — побуждают ставить судьбоносные для будущего страны вопросы. Что же такое сегодняшняя Россия? Есть ли у нее непреходящие ценности, обеспечивающие преемственность истории и развития? Сохранила ли она после неоднократной за последние 100 лет смены вех и драматических искушений и потрясений смыслообразующее ядро своего исторического бытия? Или она обречена утонуть в экономических и социальных проблемах, в противостояниях и расколах? Но одновременно проявляется и другое — 9 Мая вновь и вновь граждане России самых разных возрастных и имущественных групп, «успешные» и недовольные своим статусом, с разным уровнем образования и культуры, разделенные множеством причин и обстоятельств, пока еще становятся одним целым.

Сведения об авторе: Нарочницкая Наталия Алексеевна — президент Фонда исторической перспективы, член Общественной палаты РФ, доктор исторических наук; nn@stoletie.ru.

Неподдельно глубокое чувство, с каким страна поклоняется Великой Победе, являет впечатляющий потенциал национального единения. Это не народонаселение, не просто численная масса, — это единый, преемственно живущий субъект истории — с неким общим духом, общими целями, ценностями и общей исторической памятью. В 2014 г. в момент возвращения Крыма такой потенциал показал себя: вопреки внутренним разбродам и кажущейся атомизации русские не утратили чувство исторической преемственности.

Каждая эпоха — а их смена происходит все быстрее — по-новому высвечивает разные стороны мировоззрения и их взаимодействия, побуждая рассматривать через новые призмы разные грани феномена «общественное сознание», ибо его компоненты по-разному взаимодействуют на разных этапах истории и в разных поколениях. Каковы перспективы национального, исторического, политического сознания в информационную эпоху? Какие факторы — внутренние, внешние, экономические, идейные, полит-технологические — сильнее всего влияют на изменения в этой сфере и в кажущихся неожиданными крутых поворотах, когда несогласия и единение то переплетаются, то попеременно уступают друг другу?

Насколько исчерпан лимит терпимости общества к социальным тяготам, неприемлемому имущественному расслоению, ситуационным ограничениям, нередко трактуемым как непропорциональные попытки выстроить тотальный электронный контроль над людьми. Где в протестных настроениях реальные чаяния, а где иррациональное обличительство, где истинные и где мнимые проблемы и темы? Может ли на этом фоне быть разрушен достаточно широкий общественный консенсус в противостоянии России грубому внешнему давлению и очевидное единение в исторической памяти о Великой Отечественной войне и Победе?

Невозможно ответить здесь на все эти вопросы, ибо для этого необходим всесторонний анализ экономических перспектив, социальных механизмов, общественного мнения, ситуации в разных регионах многоукладной России, финансовых и иных инструментов и возможностей государства, влияния образования и воспитания. Однако рассмотрение в любом ракурсе было бы односторонним вне общего контекста изменений общественного, исторического и национального сознания. Поэтому размышления о такой мировоззренческой стороне процессов, как эволюция антиэтатистских идей и их влияние на исход самых драматических событий в России за сто лет весьма полезны, хотя и они обречены в рамках статьи на неполноту.

Вряд ли можно ожидать, что в России когда-нибудь прекратится открытая и подспудная дискуссия по самым основополагающим вопросам исторического бытия. Острота восприятия реальных и мнимых, как больших, так и малых нестроений общественной жизни, резкие перемены в общественном мнении, обоготворение и ниспровержение публичных фигур, готовность как к послушанию, так и к «бунту — бессмысленному и беспощадному» — уже давно составляют типические черты российской политической культуры. Но есть ли у общества, пережившего дорогой ценой две рево-

люционные смены эпох менее чем за столетие, внутренний барометр, который показывает опасную черту? Грань, за которой международное вмешательство в соединении с внутренней напряженностью может привести к краху, которым, как и в прошлом, не преминут воспользоваться внешние силы.

Общественное сознание — явление чрезвычайно сложное, и его проявления разительно отличаются иногда не только в коротком промежутке времени, но и одновременно в разных тематических полях. Это не простая сумма установок, а нечто, рождающееся из их сложного взаимодействия, на итоговый вектор которого весьма сильно влияют оценка национальной истории (а для ее адекватной оценки нужно ее знание), но также элементы социальной психологии, нравственные устои, формирующиеся из редко осознаваемых индивидом и обществом религиозно-философских основ, укорененных в национальной традиции. На них, в свою очередь, оказывают воздействие образ жизни и профессия, в современном обществе разительно отличающиеся по социокультурным особенностям; мировоззренческие установки, формируемые как образованием и воспитанием, так и его лагунами, которые облегчают воздействие информационных технологий.

Противоречивая российская история рубежа XX–XXI вв. показала, что Россия способна на проявление политической воли в решениях, отвечающих ее национальным интересам, на что уже мало кто решается в эру мировой финансовой зависимости и «глобального управления». Открытая защита государством и подавляющим большинством общества традиционных ценностей, вызвавшая резкое неприятие либертаристских СМИ на Западе, подтвердила ее моральную самодостаточность.

Мир принял это к сведению и отреагировал. Геополитические клещи, история которых уходит вглубь веков, а не в пресловутую борьбу демократии и тоталитаризма, вновь смыкаются. Самостоятельная Россия, как огромная геополитическая величина с ядерным оружием и 40% мировых ресурсов, куда больше, чем стагнирующий СССР, становится объективным препятствием для «глобального управления». Впрочем, Зб. Бжезинский еще в начале 1970-х годов высказался об объективности противостояния крупных величин: «Коммунистическая Америка со всей вероятностью осталась бы соперником Советского Союза, каковым сразу стал коммунистический Китай. Так и демократический и развивающийся Советский Союз с его размерами и мощью стал бы куда более серьезным соперником для Соединенных Штатов, чем сегодняшняя советская система в ее состоянии бюрократического застоя и идеологической косности» [Brzezinski, p. 283].

На глобальный характер противостояния после краха коммунизма указывал и С. Хантингтон, ибо идеологическое противоборство между либеральным Западом и его коммунистическим оппонентом — дискуссия в рамках одной философии, тогда как возрождение исторического лица России делает ее уже представителем иного конкурентоспособного цивилизационного проекта [Huntington].

Известное суждение Н.Я. Данилевского о противостоянии России и Европы, маскировавшемся до Берлинского конгресса «фантазмагорией» турецкой империи [См. Данилевский Россия и Европа; Он же Горе победителям], в начале XXI столетия может быть перефразировано так: пока между Россией и Западом стояла «коммунистическая фантазмагория», более глубоких причин холодной войны можно было и не заметить, когда же «призрак рассеялся», «нам ничего не оставалось, как взглянуть действительности прямо в глаза» [Данилевский Горе победителям].

Поскольку, наряду с объективным потенциалом глобального влияния у России сохраняется немало очевидных внутренних проблем, против российского государства и общества, сознание и ценности которого находятся в состоянии колебания, брошен мощный механизм финансового, политического, военного и информационного давления, созданный в отсутствие сдержек и противовесов при переходе в XXI в.

Государство и отечество в контексте философско-идеологической полемики: уроки российской истории XIX — начала XX вв.

Что значит для национального сообщества и для народа государство и что — отечество? Сохранилась ли в сознании российского общества, трижды за столетие менявшего *государство*, ценность реального сохранения в полноте российской *государственности*? Эта категория, будучи политико-правовой, включает и нечто метафизическое, неосязаемое, но свидетельствующее о сохранении в мировой истории творческого акта народа, получившего, как и другие, по метафоричному выражению И.А. Ильина Дары Святого Духа и «претворившего их по-своему» [Ильин].

Современное Российское государство, как и любое другое, — явление статическое, сиюминутное, как всякая система институтов и признаков, существующая на данный конкретный момент. Но российская *государственность* – это континуум, это разворачивающийся во времени и пространстве процесс самовыражения народа, создающего меняющиеся формы государства и своеобразную цивилизацию. В этом принципиально сходятся ученые-правоведы, которых смутные 1990-е годы побудили по-разному осмысливать, правда, лишь в чисто правовых категориях, разные ипостаси России — государства после саморазрушения СССР [См. Бачило; Шабуров; Винниченко]¹.

Социологи констатируют, однако не объясняют, почему части общества, на выборах решительно выступающие за противоположные проекты экономики и социальной организации, порой яростно критикующие власть, тем не менее, вдруг становятся единым целым в побуждении защитить образ страны перед окружающим миром. Причина в том, что они интуитивно отделяют государство как политический институт от государ-

¹ Также см: Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М. 1997; Кириллов А.Д. Региональные особенности становления новой российской государственности // Политические исследования. 1998. № 2; Кокотов А.Н. Русская нация и национальная государственность. Екатеринбург. 1994.

ства как отечества. В таком интуитивном разграничении определенную роль играет водораздел между национально-консервативным мышлением и либертаристской философией истории. Государство и отечество, особенно в консервативном и религиозном сознании, — не тождественные понятия, хотя они тесно переплетены во внутриполитическом плане и тем более в плане взаимоотношений с другими странами.

На уровне чисто социологических категорий без включения культурно-исторических и религиозно-философских основ мировоззрения трудно дать научное объяснение феномену сознания, когда огромная часть народа, разочарованная в государстве — политическом институте, остро переживает распад, воспринимая утрату территории как необратимый удар по исторической государственности, ценность которой в момент утраты оказывается для многих выше, чем желанная форма политического института.

В таком восприятии территория государства — не просто географическое пространство его существования на данном этапе, но и «воплощение представлений народа о своем государстве, своем Отечестве», как подметил С.Н. Бабурин, одним из первых вводя в круг рассмотрения правовой категории «территория государства» такое трудно поддающееся формализации явление как *территориальное сознание* [Бабурин Территория государства: правовые... Его же: Территория государства: теоретико-правовые...].

Формирование территориального сознания определяется именно способностью к «отграничению государства как явления статического, сиюминутного, некоей системы институтов и признаков, существующей на данный конкретный момент, от государственности как континуума, как процесса самовыражения народа, разворачивающегося во времени и пространстве» [Бабурин Территория государства: Теоретико-правовые...]. В этой призме обнаруживается немаловажная сторона исторического сознания — самоотожествление народа с его исторической территорией. Общие исторические переживания о перипетиях судьбы территории преобразуются в переживания о судьбе народа, превращая понятие *отечества* в опорный пункт самоидентификации в истории.

Эта сторона национального сознания в разные времена проявляла себя с разной силой. И именно на нее самое разрушительное воздействие оказали рационалистические философские и политические доктрины, реализованные в XX в., как и катастрофическое падение уровня гуманитарного образования и замещение изучения истории идеологическими схемами.

Марксистскими идеологами, прежде всего большевиками, была внедрена идея классовой солидарности, которая полностью отступала от метафизической идеи всеобщего единства и равной ответственности людей перед Богом, вполне органичной для многих религиозных систем и неотъемлемо присущей христианской культуре. В XXI в. принцип классовой солидарности с такой же категоричностью сменил тезис о главенстве безграничной свободы индивида, который не может и не должен быть связан

никакими национальными, государственными, религиозными или этическими узами и ограничениями. И та, и другая доктрины транснациональны, субъектом истории является в них не народ, а класс или индивид — то есть транснациональные общность либо совокупность фрагментированных элементов, руководство которыми вполне может находиться в иных ойкуменах за пределами данного государства.

В крайних воззрениях революционеров и пламенных реформаторов устройство государства, утверждение своей глобалистской идеологии априори ставилось выше национальной судьбы и даже победы в войне с внешним врагом. В начале XX столетия такая максималистская установка была свойственна всей международной когорте социал-демократов, но именно российские революционеры оказались наиболее готовыми применить ее к собственному государству. В XXI в. национально-государственные ценности отрицает уже либертаризм, именующий себя либерализмом, однако усвоивший тоталитарную нетерпимость к инакомыслию, — и вновь в России он соединяется с нигилизмом по отношению к собственной истории.

Определенные аналогии с предреволюционными годами начала прошлого столетия налицо. С одной стороны, нарастает социальный пессимизм, разочарование в институтах, с другой — под влиянием как лево-коммунистической, так и западной антироссийской, антиэтатистской пропаганды нарастают разнонаправленные, но одинаково радикальные настроения — вновь «сокрушить все до основания», до есть до черты, когда возникает угроза не только государству, но самой государственности как континууму.

Уместно привести весьма меткие заметки поэта Александра Блока о ситуации после Февраля 1917 г., цитируемые общественным и религиозным деятелем, литератором Г. Анищенко. А. Блок, служивший в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, описал деятельность революционных партий и временного правительства как намеренное раскачивание качелей в предвкушении «взлета доски качелей, когда она вот-вот перевернется вокруг верхней перекладины... Задача всякого временного правительства — удерживая качели от перевертывания, следить, однако, за тем, чтобы размах не уменьшался... То есть вести качающуюся во все стороны страну все время по краю пропасти, не давая ни упасть в пропасть, ни отступить на безопасную и необрывистую дорогу...» [Цит по: Анищенко]. Однако в пропасть падают. «Либералы, устранив фундамент, наклонили страну влево: туда она и стала естественным образом сползать. Иначе после Февраля страна катиться не могла. Ленин, не обремененный фантастическими иллюзиями, прекрасно это видел и ждал, когда придет час чуть-чуть дернуть на себя — вниз» [Там же]. Нет сомнения, что при критическом «раскачивании» и через 100 лет имеются те, кто уже держит канат, чтобы «дернуть на себя».

Родиной философских идей, породивших среди прочих и российских революционеров, являлась Европа. Просветительская литература XVIII в. разработала идейный багаж, подрывавший традиционные устои во многих сферах от морали до отношения к власти и патриотическим ценностям. «Родина там, где нам хорошо», — неоднократно повторял на разные лады Вольтер. Его «Философские письма», называемые иногда

«Письмами из Англии», пронизаны убеждением, что все разумное должно быть принесено извне — из более прогрессивной Англии. Французские «друзья человечества» видели в Американской революции претворение в жизнь на чистой доске систем Ж.-Ж. Руссо и Ш. Монтескье, а Б. Франклину во время его почти девятилетнего пребывания в Париже интеллектуальная элита предреволюционной Франции оказывала почести как кумиру.

Однако вызов Просвещения традиционным ценностям католической веры, ниспровержение авторитета абсолютной монархии и борьба против церкви прежде всего обосновывали замену источника власти — «власти от Бога» на «власть от народа». Антимонархический, антиабсолютистский, но не антинациональный пафос лег в основу идеала республиканского строя и представительной власти.

Философское наследие французского Просвещения — идейный фундамент современной европейской политической системы (республика, отделение церкви от государства). Но в эти «скрижали завета» Французской революции антинациональные крайности вовсе не вошли. Пафос ниспровержения основ, сыгравший самую решающую роль в секуляризации сознания, не привел к нигилизму по отношению к Франции и ее месту в истории. Французское общество, сокрушив монархию, нанеся мощнейший удар по церкви, произведя самую кровавую революцию в истории, с воодушевлением приняло преобразование революционного пафоса в завоевательный и в мотив национального величия Франции, возвращенный Наполеоном, культ которого сохраняется в пантеоне национальной исторической памяти.

Только самые крайние антирелигиозные силы, продолжавшие бороться в первую очередь с католической церковью, обличавшей в свою очередь «республиканских безбожников», не уступали будущим коммунистическим интернационалам по отстраненности от государства. Часть французских масонских лож приветствовала победу протестантской Пруссии во Франко-прусской войне [Jouin, p. 63]. Напротив, деятели итальянского Risorgimento совмещали идеи либерализма, свободы, демократии и даже антиклерикализма с национальной идеей (Б. Кавур, Дж. Гарибальди, Дж. Мадзини), что способствовало окончательному формированию к концу Нового времени модели европейского национального государства.

В Германии либеральные и даже радикальные взгляды части образованного слоя также не привели к формированию антинационального мировоззрения всего общества, и даже породили обратное. Г. Гейне — гениальный поэт-лирик, дальний родственник по матери самого К. Маркса, с которым дружил и сотрудничал, как и часть его современников, ненавидел христианскую церковь и Германию, уподобляя ее будущее «смраду из ночного горшка», преклонялся же перед Наполеоном. В своих прекраснейших в литературном отношении стихах он пел дифирамбы восстанию силезских ткачей, которые ткали «саван, вплетая в него тройное проклятье» Богу, королю и Германии (Die schlesischen Weber. 1845). Но к концу XIX в. Германия пришла с легендарной «бисмаркиадой». В сознании масс и политического класса возобладало не самоуничтожение,

но завоевательный тевтонский дух, воспитанный прусским учителем, которому, по словам Г. Мольтке, приписывается О. Бисмарку, якобы обязана Германия своему объединению «железом и кровью».

В России же антисамодержавные, тем более антицерковные умонастроения усиливались пренебрежительным отношением к русской истории, распространившимся в просвещенном обществе раньше антимонархических идей и независимо от них. Вот строки из незаконченного «Рославлева» А.С. Пушкина об умонастроениях высшего общества перед надвигавшейся «грозой 1812»: «Все говорили о близкой войне и, сколько помню, довольно легкомысленно. Подражание французскому тону времен Людовика XV было в моде. Любовь к отечеству казалась педантством. Тогдашние умники превозносили Наполеона с фанатическим подобострастием и шутили над нашими неудачами. К несчастью, заступники отечества были немного простоваты; они были осмеяны довольно забавно и не имели никакого влияния. Их патриотизм ограничивался жестоким порицанием употребления французского языка в обществах, введения иностранных слов, грозными выходками противу Кузнецкого моста и тому подобным. Молодые люди говорили обо всем русском с презрением или равнодушием и, шутя, предсказывали России участь Рейнской конфедерации. Словом, общество было довольно гадко» [Пушкин, с. 135]. Если в те времена этот модный скепсис еще не затрагивал глубинные струны сознания, что было доказано всенародным отпором Наполеону, то уже П.И. Пестель и его единомышленники из Южного общества намеревались не только физически истребить весь царский род, но и расчленить Россию на штаты по примеру североамериканских, знакомых им лишь по литературе.

Знаменитый и глубокий религиозно-философский спор славянофилов и западников явил богатые грани русского сознания, которые вовсе не были несовместимыми антиподами, ибо оба воззрения, по суждению западника историка К.Д. Кавелина «выражали и формулировали только две стороны одной и той же русской действительности» [Кавелин, с. 363]. Образованнейшие западники отнюдь не исповедовали антигосударственных идей, некоторые из них в более позднее время стали «охранителями», и М.Н. Катков, главный редактор «Московских ведомостей» сформулировал свое кредо: «Право публичного обсуждения государственных вопросов мы поняли как служение государственное во всей силе этого слова» [Катков, с. 5].

По мере того, как во второй половине XIX в. дискуссия утрачивала не только религиозное, но и философское измерение и все больше обретала политическое содержание, в России родилась целая палитра воззрений и ярких мыслителей. При этом политические позиции и философско-теоретические основы сочетались весьма различным образом, что приводило, казалось бы, к парадоксам. Если Д.И. Писарев и М.А. Антонович всячески продвигали теорию Ч. Дарвина о борьбе за существование, то такие же убежденные материалисты революционер-демократ Н.Г. Чернышевский и теоретик анархизма П.А. Кропоткин подвергли решительной критике дарвиновское учение, философски исполненное прометеевским духом подавления- насилия и распознанное, как считал Н.О. Лосский, русской «чуткостью ко злу» [Лосский]. А «почвенник» Н.Я. Да-

нилевский был куда либеральнее в вопросах общественно-политической жизни, чем западник, но «охранитель» М.Н. Катков.

Специфической чертой политического дискурса России стала эмоциональность полемики и бескомпромиссность позиций, приводившие к разрывам отношений между вчерашними соратниками, расколам кружков и редакций. Как радикально-демократические, так и охранительно-консервативные издания впадали в обличительный и дидактически-назидательный тон. Это свойство российской политической культуры усиливалось с приближением XX в., что в предреволюционные десятилетия ярко проиллюстрировали беспощадные публицистические приговоры В.И. Ленина своим оппонентам.

Атеистическое мировоззрение и материализм революционеров — демократов В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, М. Антоновича побуждали этих публицистов обрушивать яростную критику на глубокие мысли о вере Н.И. Гоголя, на свободные от политического назидательства романы И.С. Тургенева, призывать к прямому декларированию в искусстве и литературе политического кредо. Это подготовило крутой поворот к марксизму, и крайне левая мировоззренческая струя в российской общественной мысли, наполненная огромной энергией, превратилась в сугубо абстрактную политическую программу. Классический либерализм без революционности и антиэтатизма, умеренное западничество, сочетавшееся с преданностью русской и славянской культуре (как у А.Н. Пыпина) или с признанием равной ценности славянофильства (как у К.Д. Кавелина), были обречены померкнуть по мере того, как раскалялась дискуссия.

Под сильным влиянием марксизма и европейских революций упрощенное западничество привело российский бунтарский дух к нетерпеливому ниспровергательству русской истории. Радикальные и революционные формы такого нигилизма отрицали не только русский государственный опыт, но в целом ценность национальной государственности как пройденный этап. Так, во время восстания сербов и Русско-турецкой войны 1875–1876 гг., вызвавших в России — и в низах, и в верхах общества — подлинно народный подъем сострадания к православным братьям-славянам под Оттоманским игом, народники-марксисты в журналах «Вперед» и «Набат» называли национально-освободительный порыв славян борьбой «старого мира» за «ложные идеалы», полагая, что «единственная независимость, за которую следует бороться, есть независимость труда от всех стесняющих его хищнических элементов» [Нарочницкая Л.И., с. 36].

Вполне естественно, что вместе с теорией марксизма в Россию проникали и антирусские суждения К. Маркса и Ф. Энгельса, которые были бесспорными лидерами в нигилистической интерпретации русской истории и внешней политики России. Не случайно в СССР — стране победившего исторического материализма — никогда не было издано *полное* собрание сочинений его основоположников. Изменив «пролетарскому интернационализму», они выражали почти расистские уничижительные взгляды на славянские народы как на варварский Восток и «ничтожный мусор истории» (Ф. Энгельс)

[Маркс, Энгельс, с. 56–57]. Что касается России, то Маркс открыто постулировал отношение к ней как к «черному зигзагу» мировой истории, колыбелью которого является «кровавое болото монгольского рабства, а не суровая слава эпохи норманнов» [Маркс]. Энгельс в 1848 г. провозгласил, что «революция имеет только одного действительно страшного врага — Россию».

Антирусские воззрения К. Маркса, проживавшего в Лондоне с 1849 г. до самой смерти, соответствовали общей тональности британской политической и общественной мысли. Кумир лондонских салонов времен Крымской войны, поэт А. Теннисон, никогда не бывавший в России, записал в дневнике: «Я ненавижу Россию с самого своего рождения и буду ненавидеть, пока не умру» [Альфред Теннисон... с. 271–274]. Со своей стороны, Маркс обрушивался на всех, кто не проявлял должного неприятия России, и немало жестких сентенций досталось самому лорду Г. Пальмерстону, который незадолго до Крымской войны обронил известную фразу: «Как трудно жить на свете, когда с Россией никто не воюет». В противовес «русофильству», которое виделось Марксу даже в британской внешней политике, он задумал написать специальную работу, оставшуюся незаконченной. Но части ее вводной главы (впоследствии изданной под названием «Тайная дипломатия XVIII века»), содержавшие наиболее русофобские тезисы, были напечатаны в английской прессе еще на исходе Крымской войны.

Учение о смене формаций через революцию вместе с безапелляционным выводом об имперской православной России как главном препятствии революции оказало решающее воздействие на политические программы и все мировоззрение российских лево-революционных кругов, укрепив и общий нигилизм либеральной образованной публики.

В этом громком и глухом к альтернативе хоре уже не могли быть по-настоящему услышаны действительно глубокие искания теоретической мысли второй половины XIX века, которые невозможно причислить ни к славянофилам, ни к западникам. Это и Н.Я. Данилевский с его теорией культурно-исторических типов. Это и В.С. Соловьев, с его грандиозной попыткой преодолеть в религиозно-философских категориях разрыв России и Европы доктриной «свободной теократии» под эгидой Папы и скипетром русского царя и учением о «богочеловечестве». Это и К.Н. Леонтьев, до сих пор не до конца понятый певец византизма. Это и не лишенная политического измерения, но прежде всего философская полемика Н.Н. Страхова и Л. Тихомирова с оппонентами.

Анализ бурных и нетерпимых дебатов последних десятилетий XIX — начала XX вв. показывает: отталкивавшиеся от русской действительности, а не только от умозрительных кабинетных схем подходы к назревшим переменам проиграли на этом поворотном этапе нашей истории радикально западничским и были заглушены глашатаями рационалистически-механистического толкования философии прогресса, воинственного материализма и атеизма.

Трудно точно определить время окончательного оформления специфической русской «интеллигенции», ставшей нарицательной характеристикой широкой части русского

образованного слоя. Но уже будущую террористку и убийцу С. Перовскую суд присяжных оправдал под рукоплескания зала. В 1909 г. в сборнике «Вехи» П.Б. Струве писал, что «в облике интеллигенции как идейно-политической силы в русском историческом развитии можно различать постоянный элемент, как бы твердую форму, и элемент более изменчивый, текучий — содержание. Идейной формой русской интеллигенции является ее отщепенство, ее отчуждение от государства и враждебность к нему. Это отщепенство выступает в духовной истории русской интеллигенции в двух видах: как абсолютное и как относительное. В абсолютном виде оно является в анархизме, в отрицании государства и всякого общественного порядка как таковых (Бакунин и князь Кропоткин)» [Вехи...]. В первой русской революции 1905 г. и в последующие годы рельефно проявилась особая черта — максимализм русской интеллигенции, категорически не принимавшей половинчатые уступки власти, лишь разжигавшие радикализм.

Полные горечи суждения о сознании российского образованного слоя оставил правовед и философ Е.В. Спекторский, один из культурных столпов русской эмиграции в Югославии, а в последующем один из руководителей «Русской академической группы» в США. Спекторский подметил, что в Европе внешняя политика всегда в гармонии с общественным мнением, «которое при всем расхождении... в оценке внутренней политики, по вопросам политики внешней или подчиняется указаниям правительства, как в Германии, или само дает ему указания, как в Англии. У нас же... интеллигенция под мощной сенью двуглавого орла позволяла себе роскошь равнодушия или брезгливости... злорадно принимала злостные легенды о русской внешней политике. Особенный успех имело утверждение, что наше государство было ненасытным захватчиком и европейским жандармом» [Спекторский Принципы...].

К началу XX столетия респектабельные деятели не менее большевиков или эсеров сознательно отделяли себя от своего государства. «Милюков, как и многие тогдашние радикальные интеллигенты, увлеченные своей политической борьбой с русским правительством, — писал Г. Вернадский, — не имели никакого чувства ответственности по отношению к своему государству как представителю русской нации. Даже когда они попадали за границу, они не скрывали своего отчуждения от официальных представителей России» [Вернадский, с. 158]. Будучи в Болгарии для участия в подготовке доклада Фонда Карнеги о Балканских войнах 1912–1913 гг., П.Н. Милюков демонстративно отказался пойти на прием к русскому посланнику в Софии К.П. Бахметьеву после торжественного молебна по случаю тезоименитства Николая II, что возмутило прежде всего его коллег — болгар-русофилов. (В XX–XXI вв. подобный тип поведения за рубежом в отношении своей страны стал уже довольно распространен и даже почитаем.)

В XX в. с расширением влияния марксизма в России понятию «отечество» как опорному пункту национального сознания был нанесен серьезный удар и было широко внедрено скептическое и подозрительное отношение к национальному чувству, обреченному уступить место тем или иным глобалистским чаяниям. Все национальное теряло самооценку и должно было быть положено на алтарь социального и матери-

ального переустройства мира. Такая идея прямо вытекала из марксова тезиса «у пролетариата нет отечества» («Манифест коммунистической партии»), подхваченного В.И. Лениным.

В годы Первой мировой войны это родило морально сомнительный лозунг РСДРП(б) «поражение собственного правительства в войне», подсказанный Л.Д. Троцкому первым заграничным технологом революций А.Л. Гельфандом-Парвусом¹. Итог антиэтатистской деятельности как в подполье, так и в стенах Государственной Думы перед Русской революцией хорошо известен по советским учебникам, которые романтизировали и превозносили борьбу большевиков против правительства даже в ходе Первой мировой войны, оправдывая ситуацию, когда Россия, принеся на алтарь победы над австро-германским блоком самые большие жертвы, не стала державой-победительницей, а пришла к краху, распаду и утрате вековых геополитических позиций, которые ее сделали великой державой.

Замена общенациональной солидарности классовым интернационализмом и провозглашение государства как устаревшей формы существования народов подрывали имманентную историческую данность национальной истории в истории мировой. Приверженность государству отныне должна была основываться не на «любви к отеческим гробам, к родному пепелищу» тысячелетней истории, а лишь на верности определенному идеологическому догмату, который может меняться и быть различным.

Русский философ-эмигрант С.Л. Франк, начинавший как марксист, но перешедший на позиции христианского социализма, считал пролетарский интернационализм ударом по духовным основам как национального сообщества, так и всечеловеческого единства: «Интернационализм — отрицание и осмеяние организующей духовной силы национальности и национальной государственности, отрицание самой идеи права как начала сверхклассовой и сверхиндивидуальной справедливости и объективности в общественных отношениях... механический и атомистический взгляд на общество как на арену чисто внешнего столкновения разъединяющих, эгоистических сил» [Из глубины... с. 316].

К XXI в. новый максималистский и глобалистский либертариизм обрел статус догмы в постмодернистской Европе. Сугубо национальные ценности оказались за рамками идеологии «Объединенной Европы», однако снисходительное отношение к незападным мирам и идейное менторство лишь усилились. Российская же посткоммунистическая интеллигенция вновь со свойственной лишь ей пламенностью приняла почти троцкистский проект всемирной неолиберальной революции под эгидой Запада. В 1990-х годах сопротивление сербов агрессии НАТО или русских в Крыму вызывало только раздражение у московских либералов, считавших основополагающим противоречием в мире противоречие между демократией и тоталитаризмом.

1 Зеeman и Шарлау «Парвус - купец революции» [Scharlau, Zeman].

История XX столетия наглядно показывает: пока Россия увлечена ниспровержением собственного государства и распрями по поводу его будущего устройства, нация оказывается на пороге утраты преемственной государственности. В 1917 г. тысячелетняя русская история и историческая государственность были упразднены до основания. Трагедия повторилась в 1991 г. Патетически-горькие, но точные по анализу строки Максимилиана Волошина, написанные поэтом в 1919 г., вполне применимы к краху СССР и постсоветским десятилетиям: «Не надо ли кому земли, республик да свобод? И Родину народ сам выволоч на гноище как падаль... А вслед героям и вождям крадется хищник стаей жадной, чтоб мощь России неоглядной размыкать и продать врагам!».

Великая Отечественная Война и ее место в эволюции российского исторического сознания

В рассмотрении влияния идеологии на общенациональное сознание и ее роли в расшатывании либо спасении государственности особенно наглядным примером является как патриотический подъем в ходе Великой Отечественной войны, так и судьба исторической памяти о ней. Очередное низложение в конце XX в. всей — не только советской, но и русской — истории не отступило перед Победой — святыней, на которую оппоненты СССР не посягали даже в годы холодной войны.

Именно в начале 1990-х годов такая атака могла обладать особенно разрушительным и необратимым воздействием на сознание, не получая аргументированного отпора, ибо эйфория от прощания с тоталитаризмом была в апогее, а разочарование в коммунистическом эксперименте разделяли большие массы людей, пусть даже шокированные крахом СССР. В расколотом обществе нарастали всевозможные политические, социально-экономические, идейные противоречия и сепаратистские тенденции. Отождествление российской государственности с демонизированной политическо-идеологической организацией государства — в русле мировоззрения ранних большевиков и их позиции по отношению к Российской империи как недостойной сожаления — обесценивало преемственную государственность. В таком сознании единство страны, ее территория становятся временными категориями, обусловленными изменчивыми политическими и материальными обстоятельствами.

Отсутствие веры, утрата объединяющих идеологических ориентиров, кризис ценностей, общая атмосфера осуждения собственной истории сделали память о Победе одной из немногих важнейших скреп. Это были именно те «*общие исторические переживания*», которые помимо «общего духа, мирозерцания», утративших свою роль в современном секулярном обществе, делают, в трактовке православных философов-эмигрантов, народонаселение нацией (рассматриваемой ими вне категории этничности), то есть преемственным творцом и движущей силой исторической государственности [Зызыкин, с. 14, 15].

Запад вряд ли посмел бы первым на официальном уровне извращать роль СССР и смысл Победы, если бы отечественные идеологи не начали внедрять в сознание

версии о войне двух идеологических монстров, равно представлявших мировое зло. Были использованы и статистически абсурдные подсчеты потерь, и тезис, что лишь «большевики» и подневольные сражались с родственным большевизму фашизмом за мировое господство. СМИ и историческая литература, причем не только псевдонаучная, подвергали сомнению значение тех или иных битв, развенчивали личности тех или иных полководцев и героев, оспаривали историческую ценность победы и даже выставляли измену типичного красного командира-выдвиженца А.А. Власова борцом со «сталинизмом». (Для сравнения — дворянин, герой Русско-японской и Первой мировой войны генерал Д.М. Карбышев принял мученическую смерть, но не совершил предательства.)

Удар наносился по самому смыслу войны, которая трактовалась не как война за право народов на жизнь и историю, а как борьба демократии против фашизма. В такой интерпретации «ярость благородная» недемократического народа обесмыслена; вместо национальной истории у русских в XX в. остается лишь погоня за ложными идеалами; а разрывом преемственности русского, советского и постсоветского исторического сознания достигаются фундаментальные цели. Квалификация СССР в качестве такого же преступного государства, как и нацистский рейх, не только служит подмене смысла войны, но и дает основания для ревизии итогов Ялты и Потсдама.

Неслучайно на антикоммунистическом Западе, где СССР неофициально называли прежним именем «Россия», одновременно взяли на вооружение выгодную большевистскую интерпретацию: Россия и русская история «упразднены» безвозвратно в 1917 г., а СССР является не продолжением тысячелетнего государства, а соединением «независимых и самостоятельных» наций. Такой подход последовательно применялся в отечественной — сначала марксистской, а потом либеральной доктрине, и применяется Западом до сих пор. Это проявилось и в резолюциях Конгресса США; и в выборе юридических основ для отделения Прибалтики от СССР, исключавших из рассмотрения тот факт, что Прибалтика была частью территории России, никем прежде не оспариваемой; и при распаде СССР в 1991 г., и в современной оценке на Западе советско-германского договора от 23 августа 1939 г. Разумеется, в СССР добровольное соединение объявлялось благом «под сиянием пролетарской революции», а на Западе — насильственным игом «под железным обручем тоталитаризма». Но очевидно, что два определения, отличаясь лишь оценкой факта, были тождественными в том смысле, что они в равной степени давали возможность в нужный момент подвергнуть сомнению единство страны, ибо ей отказано в историческом прошлом.

Полная смена в общественном сознании исторических ориентиров на нигилизм к прошлому порождает идейное пораженчество, что позволяет выйти на авансцену радикальным адептам новых идеологических проектов, готовым на любые геополитические потери. Это подтверждают не только события русской истории в начале и конце XX в., но и опыт межвоенной Франции, феномен «потерянного поколения» Европы в целом. Общий нигилизм и разочарование в национальной идее в итоге привели Тре-

тью республику к позорной капитуляции 1940 г. и трагическому перерождению «Петена — героя Первой мировой войны» в «Петена — капитулянта»¹.

В свою очередь, могли ли бы советская армия и советский народ, будь они полностью лишены сознания своего преемственного Отечества, оказать такое невиданное по силе духа сопротивление гитлеровской агрессии? Об этом, предчувствуя неизбежную войну, задумывались сами советские власти, еще в первой половине 1930-х годов прозорливо изменившие свою политику в области образования, и прежде всего преподавания национальной истории.

Начав с сокрушения российской государственности, СССР в своем реальном историческом развитии начал отходить от замысла безнациональной «всемирной социалистической федерации»². Идея мировой революции потерпела крах, хотя за нее было заплачено историческими стратегическими позициями — результатами Ништадтского мира и Берлинского конгресса, Прибалтикой, Карсом, Ардаганом, Бессарабией... Угроза войны с нацистской Германией понуждала обратиться к исторической памяти. Впереди маячило столкновение с «пролетариями» во вражеской форме, одержимыми отнюдь не мировой революцией и пролетарским единением, а идеей мирового господства. Для отпора им пение «Интернационала» было непригодным, хотя такие иллюзии еще оставались у части советских солдат даже после нападения Гитлера³.

В советский идеологический лексикон стали возвращаться понятия традиционной внешнеполитической идеологии. Г. Киссинджер в его довольно вдумчивом разборе советской истории подмечает этот новый идеологический нюанс: «Невзирая на революционную риторику, в конце концов, преобладающей целью советской внешней политики стал вырисовываться национальный интерес, поднятый до уровня социалистической прописной истины» [Киссинджер, с. 232, 233].

Некоторая ревизия большевистских максим и отказ от рассмотрения патриотизма как сугубо буржуазного явления проявились в опровержении взглядов главы марксистской исторической школы в СССР М.Н. Покровского, поклонника работы Ф. Энгельса «О внешней политике русского царизма» — катехизиса антирусской концепции, по сути, вполне разделяемой многими современными авторами в России и за рубежом.

Вехой, ознаменовавшей эту смену идеологических ориентиров, стало известное постановление ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах Союза ССР». В нем признавалось ошибочным, что «учащимся преподносят

1 Об этом на круглом столе Института демократии и сотрудничества в 2008 году в Париже говорили старейшина русистики историк Ф-К Кокен и историк профессор О. Форкад.

2 Об эволюции идейных и государственных подходов в развитии СССР на протяжении всего периода см. [Нарочницкая Н.А. Россия и русские...].

3 Исследователь сознания военного поколения Е.С. Сеньявская приводит рассказы солдат, которые в самом начале войны при допросе пленных фашистов апеллировали к классовой солидарности, но в ответ получали лишь возгласы «Хайль Гитлер». [См.: Сеньявская]

абстрактное определение общественно-экономических формаций, подменяя таким образом связное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами» [Постановление СНК СССР...]. Напомним, что в 1920-е годы история как предмет не преподавалась, ее заменило гротескно вульгаризированное обществоведение, когда критерием оценки исторических событий служило приближение к социалистической революции. (Столь же идеологизированный подход к преподаванию истории, внедренный в 1990-е годы, сделал критерием оценки событий XX столетия обретение либеральных свобод).

Восстановление школьного исторического образования неизбежно повлекло реформу и вузовской системы для подготовки учителей. Была поставлена задача написания к сентябрю 1934 г. новых учебников по всеобщей и отечественной истории, а также восстановление исторических факультетов в Московском и Ленинградском университетах. Исторические факультеты со структурными элементами в виде кафедр были массово созданы в вузах по всей стране. Тем самым восстанавливалась определенная преемственность с дореволюционным университетским образованием. Разумеется, постановление ЦК провозглашало задачу лучше «подвести» учащихся к марксистскому пониманию истории, но на деле оно означало отказ от сугубо нигилистического взгляда на прошлое страны и серьезную идеологическую корректировку. Русскую историю частично реабилитировали, добавив ритуальные сентенции исторического материализма.

Все эти идеологические изменения были немедленно замечены русской эмиграцией. Так, историк и философ Г.П. Федотов даже счел их «контрреволюцией», справедливо предполагая, что ленинско-троцкистские идеологи должны быть чрезвычайно разочарованы. Он отмечал возвращение людям национальной истории и культурного наследия вместо вульгарного социологизма и был уверен, что несколько страниц ранее запрещенных Пушкина и Толстого, прочитанные новыми советскими поколениями, возымеют больше влияния на умы, чем тонны коммунистических газет.

Г.П. Федотов с удовлетворением писал о «громкой всероссийской пощечине», которую получил редактор «Известий» Н.И. Бухарин за «оскорбление России»¹. Бухарин, один из ультралевых «интеллигентов» среди большевиков, весьма агрессивно призывал покончить с традициями русской жизни и ее воспеванием в литературе («есенинщиной»). Но когда в статье от 21 января 1936 г. он назвал русский народ «нацией Обломовых», «российским растяпой», отмечая свойственную ему «азиатчину» и «азиатскую лень», то за эти вполне ортодоксальные для большевизма тезисы газета «Правда» неожиданно назвала позицию Бухарина «гнилой и антиленинской», а сама воздала должное русскому народу не только за «революционную энергию», но и за его гениальные художественные творения, и даже за грандиозность созданного им государства.

Во многом благодаря таким изменениям в воспитании новых поколений (хотя, раз-

1 Новая Россия. 1936. №1.

умеется, не только поэтому) в момент нападения гитлеровской громады струны сознания и сердца зазвучали иначе, чем в лозунгах всемирной пролетарской революции. Обращение «Братья и сестры!» Сталина, напоминание митрополита Сергия о «священном долге перед родиной», его призыв «послужить отечеству в тяжкий час испытания» и «благословение православных на защиту священных границ нашей Родины» [Обращение митрополита Сергия...] вывели сознание людей с уровня идеологии на иной — *экзистенциальный* уровень — «быть или не быть». И «ярость благородная вскипела как волна». Нация, отнюдь не единая по отношению к революции, к большевистской системе, на уровне интуиции отложила в сторону раздирающие сомнения по поводу устроения государства, чтобы защитить Отечество.

«В те годы действительно можно было говорить о морально-психологическом единстве советского общества», — делает вывод историк Е.С. Сенявская, исследуя социопсихологический профиль военного поколения. При этом она отмечает необычный сложный состав фронтовиков, который вовсе не обещал единства мировоззрения. Ибо в ходе нескольких призывов в одном окопе оказались и те, кто родился в начале 1920-х годов и был воспитан уже в сугубо советской идеологии, и родившиеся в 1890–1900-х годах, сформировавшиеся в православной империи, пережившие в юности Первую мировую войну, которую еще не клеймили «империалистической», революцию и слом всех традиций русской жизни. И все эти люди не могли иметь единого отношения к советской власти.

Современный ультралиберальный и политически ангажированный подход отождествляет германский нацизм и советский коммунизм, которые даже в период холодной войны западные политики и политологи считали антитезами. Полностью игнорируется сам факт агрессии и цель рейха — истребить 40% населения центральной России, превратить территорию и народ в «материал». Игнорируется полная противоположность коммунистической идеи всеобщего равенства, выросшей из философии прогресса, с одной стороны, и антихристианского человеконенавистнического содержания нацизма — языческой доктрины природной неравномерности людей и наций и оправдываемой этим цели истребления и порабощения целых народов, с другой. Смысл войны сводится лишь к тому, что фашистской агрессии противостоял недемократический советский режим, который проводил репрессии против реальных и мнимых инакомыслящих. Не менее, если не более репрессивная и кровавая Французская революция до сих пор не вызывает никаких подобных пересмотров и ниспровержений.

Е.С. Сенявская с полным основанием подмечает, что в этом столкновении «патриотические, национально-государственные интересы страны *подчинили себе советскую систему и даже частично трансформировали коммунистическую идеологию* (зд. и ниже курсив мой. — Н.Н.). Идеи мировой революции были отброшены, а понятия «Родина», «Отечество», еще недавно публично предававшиеся анафеме, оказались в сознании народа определяющими. Война сразу же стала Народной и Отечественной... Только обращаясь к глубинам народного духа, система могла выжить, но, спасая себя, она спасала страну» [Сенявская]. Действительно, характер гитлеровского наше-

ствия и восстановление исторического наследия в душах всех представителей военного поколения привели к интуитивному осознанию того, что «*гибель советского государства означала бы гибель России*». А это объединяло и принявших, и не принявших революцию. «В тех условиях интересы народа, страны и государства оказались в главном тождественны» [Там же], — как и понятия отечества и государства.

Подтверждение такому суждению неожиданно находим в восторженных статьях о Сталинградской битве военных корреспондентов британских и американских газет. Их репортажи начинают пестреть такими понятиями, как «русский дух», «русский солдат», «русская культура» и даже «русская литература», подвигавшие людей на жертвенный сверхчеловеческий подвиг. «Патриотизм в России это не размахивание флагом. Это скорее открытие для себя того, что в данный момент представляет ценность в историческом прошлом России», — пишет о «России, вдохновленной своим доленинским прошлым», Морис Хиндус, военкор «Таймс» в воюющем СССР. Он делится в газете наблюдениями: солдаты в окопах осознали, что защищают не только заводы на Урале, свой дом и будущую счастливую жизнь, но что за ними «соборы, Кремль, древние церкви с золотыми куполами, поэты, музыканты и писатели, все те, кто до них сражались за страну... Россию» [См. Сталинград... с. 219–220; Times].

Нелишне заметить, что не все коммунистические ортодоксы приняли новые акценты в советской идеологии, что демонстрирует неоднозначное отношение к культовому до сих пор фильму С.М. Эйзенштейна «Александр Невский» (1938), который диссидент Л.З. Копелев, признавая его огромное воздействие, позже назвал «рождающим шовинизм».

Нацистское нашествие имело целью не просто отобрать часть достояния и территории, но лишить народ будущего, превратить в материал для своего проекта. Угроза нависла не просто над государством, любое из которых никогда не соответствует идеалу. Экзистенциальная опасность нависла именно над *отечеством*, пробуждая чувство рода, живую связь с деяниями предков, ответственность за судьбу потомков. Не восстать против этой угрозы — в сознании и ощущении народа значило обесмыслить все предыдущие национальные сверхусилия: и стояние за веру, и победы на Чудском озере и Куликовом поле, и подвиг Минина и Пожарского, и изгнание наполеоновской «армии двенадцати языков». Ощущение нависшей утраты *навсегда* собственной истории затмило в сердцах многих неприятие революции и вновь родило национальное сверхусилие ради спасения отечества. Если бы в момент войны Отечественной не принявшие революцию возобновили войну гражданскую, если бы подвиг всестороннего, не только материального, но и политического самоотречения, не состоялся, не было бы сегодня России, не было бы никакой, ни коммунистической, ни либеральной истории ни у русских, ни у Европы.

Национальное чувство — это приверженность судьбе исторической национальной государственности в ее целостности, а не только и даже не столько отношение к сегодняшнему дню в жизни государства, который редко удовлетворяет современников.

Такое сознание даже при неприятии пороков и действий государства не приводит к отречению от него в моменты, когда оно шатается, как было в конце 1980-х, и оказывается спасительным в момент внешней угрозы, особенно войны. Когда к генералу А.И. Деникину, чей прах в год 60-летия Победы (2005) был перезахоронен на русской земле¹, обратились с предложением благословить власовскую армию своим авторитетом борца с большевизмом, он, выступавший после войны против выдачи в СССР пленных соотечественников, которым угрожал ГУЛАГ, тем не менее, отказался, указав, что «воевал с большевиками, но никогда — с русским народом... Если бы я мог стать генералом Красной армии, я бы показал немцам!» Великий русский композитор С. Рахманинов до изнеможения давал концерты по Соединенным Штатам и пересылал деньги Сталину.

Отчего эти верующие люди, никогда не принимавшие революцию, у которых большевики отняли родину, сочувствовали Красной армии, хотя власть в Кремле была им абсолютно чужда? Они не отождествляли Россию с «большевицкой властью». Сохранение *отечества* для будущих поколений для них было выше желания увидеть крах чуждого и враждебного всем их идеалам режима. Для них Россия в любом ее обличье оставалась Родиной. И подобно матери в притче о Соломоновом суде они предпочли ее оставить большевикам живую, чем отдать на растерзание чужеземцам. Это ли не высота национального самосознания...

Однако следует признать, что труден был выбор русской эмиграции, оказавшейся в мучительном раздвоении. В первом поколении эмигрантов утрата Родины мобилизовала национальное чувство и побудила к жесткой оценке даже Февраля 1917 г. и естественному тотальному неприятию советской власти. Но уже послужившее упадку России и ее государственности скептическое прочтение русской истории не могло исчезнуть, чему способствовала и среда. Хотя российские большевики, считавшие себя наследниками Французской революции, повторили провозглашенный якобинцами революционный террор, западная историческая мысль нередко предпочитала усматривать истоки большевизма даже не у Петра Великого, не у Робеспьера с гильотиной, даже не у Иоанна Лейденского и Томаса Мюнцера, а в варварстве Чингисхана.

О настроениях второго поколения русской эмиграции, неизбежно подвергавшегося культурной ассимиляции, с тревогой писал А.В. Карташев: «Ни одному из христианских европейских народов не свойственны соблазны такого самоотрицания, как русским. Если это и не тотальное отрицание, как у Чаадаева, то откровенное, при случае, подчёркивание нашей отсталости и слабости, как бы нашей качественной от природы второстепенности. Этот очень старомодный «европеизм» не изжит ещё ни в наших, уже сходящих со сцены поколениях, ни в нашей молодёжи, вырастающей в эмигрантском отрыве от России» [Карташев, Предисловие].

1 Прах А.И. Деникина и философа И.А. Ильина был перезахоронен осенью 2005 года в Москве на кладбище Донского монастыря, и автору статьи довелось обсудить с М.А. Деникиной отношение А.И. Деникина к войне.

Однако характер фашистского нашествия, нескрываемые цели нацизма в отношении славян и прежде всего русских, гибель гражданского населения на оккупированных русских территориях делали очевидным, что победа нацистской Германии — это конец России и конец русской нации, которая, наполовину истребленная, обречена была превратиться в расходный материал. Страна и народ самоотверженно сопротивлялась, но во главе СССР стояли те, кто лишил эмигрантов Родины и пограл все, что составляло красоту и правду русской жизни для эмиграции первой волны. Все же, по свидетельству внука Л.Н. Толстого, академика-слависта Н.И. Толстого, родившегося и выросшего в русской эмигрантской среде довоенного Белграда, 80–85% эмигрантов, ненавидя большевизм, сочувствовали Красной армии, потому что страстно переживали за Родину, а «пораженцев» было не более 15–20%.

Русская эмиграция в Сербии — это особенно трепетно переосмысливавшая драму русской истории часть русской нации в изгнании. Ей, в отличие от попавших в Западную Европу, король Александр Карагеоргиевич, сам страстно переживавший за судьбу России, дал все возможности реализовать свои не только материальные, но и духовные потребности, подарил великолепный Русский дом, возможность творить науку и создать свой театр. Русские профессора, оказавшиеся в Париже таксистами, в Югославии создали кафедры, основали целые направления науки, подняли на высокий уровень правоведение, историческое знание и особенно много разработок посвятили анализу духовных причин Революции 1917 г. Исследователь наследия русской эмигрантской мысли в Королевстве Югославия Е.А Бондарева пришла к выводу, что большинство интеллектуальной элиты белградского круга не принимали не только Октябрь, но и Февраль [Бондарева Рах Rossica... с.163–164]. Но если для либералов, как и для революционеров, важнее всего было соответствие государственного устройства их представлениям, то для почвенников — сохранение Отечества, даже при неугодном режиме.

Сам же Н.И. Толстой участвовал в партизанском движении в Сербии, в 1944 г. добровольцем вступил в Красную армию, написав в заявлении: «Я хочу воевать, как мой прадед воевал под Севастополем». К добровольному возвращению с родителями в СССР его побудило не обаяние коммунистической идеологии, а желание быть со своим народом и родиной в период, когда дух Мая 1945 г. и Великая Победа сделали СССР-Россию в глазах Запада объектом отторжения и «сдерживания»-«отбрасывания» — стратегии, вновь открыто предлагаемой и проводимой против некоммунистической России через 75 лет после Победы [См. напр.: McFaul].

Прозрение части эмиграции в сути «антибольшевистской» политики Запада нарастало с началом холодной войны, особенно, с принятием в 1959 г. Конгрессом США по представлению галицийских униатов и поляков (Л. Добрянский и конгрессмен от Иллинойса Э.Дж. Дервински) получившей статус закона резолюции «О порабощенных нациях». Этот документ, провозглашавший цель освобождения жертв «империалистической политики коммунистической России», назвал таковыми все народы союзных республик и даже «Казакую и Идель-Урал», *кроме русского*. Русская эмиграция в США (в том числе Г.П. Чеботарев, С.П. Тимошенко, Н.М. Рязановский, Г.П. Струве, Н.С. Тима-

шев и др.) безуспешно пыталась добиться включения в этот список русского народа и протестовала, распознав, что за лозунгом борьбы с большевизмом уже почти не скрывалась борьба с «русским империализмом», причем на территории самой исторической России. Инициаторы резолюции и не пытались маскировать антагонизм по отношению к России «борьбой с коммунизмом» и предлагали применять к русскому «империализму» в образе СССР оценки, как будто заимствованные из «Тайной дипломатической истории XVIII в.», в которой К. Маркс призывал вернуть Россию к «Московии» в границах Столбовского мира 1617 г. [Dobryansky; См. также: Bray]¹. То, что Запад вовсе не так отторгает советский коммунизм — «создание своего духа», — «как ненавидит Россию историческую», констатировал и остро комментировал в докладе «Исторический опыт России» (1961 г.) историк-эмигрант Н. Ульянов: «От его (Запада) первоначальной антисоветской идеологии ничего не осталось, она вся подменена идеологией антирусской... Политические лозунги Запада зовут не к свержению большевизма, а к расчленению России... Нам приходится быть свидетелями... небывалого поношения имени русского...» [Ульянов, с. 92].

Великая Отечественная война, востребовав национальное чувство, заглушенное классовым подходом, не только восстановила чувство исторической преемственности у советских поколений, но и способствовала постепенному преодолению непонимания между ними и частью русской эмиграции. *Общая* кровь, пролитая за *общее отечество*, очищала от скверны братоубийственной гражданской войны и воссоединила в душах людей разорванную, казалось, навеки, нить русской и советской истории.

Историческое самосознание военного поколения не успело подвергнуться стиранию, наоборот, оно само существенно переработало ортодоксальные коммунистические идеи. При исследовании социального состава и сознания населения на разных этапах СССР нельзя обойти тот факт, что в годы Отечественной войны в КПСС вступила огромная масса людей, по своему крестьянскому происхождению и сознанию резко отличавшаяся от ранних большевиков, одержимых переустройством мира и мировой революцией. Эти новые члены партии составили второе советско-партийное поколение.

Ему, вдохновленному духом Победы 1945 г., менее всего за весь XX в. был свойственен комплекс неполноценности перед Западом. Это героическое поколение значительно выхолостило нигилистические воззрения на отечественную историю, связало с коммунистическими клише собственный традиционализм. Акцент сместился с внутренней классовой борьбы на единственно возможный тогда «советский» и государственный патриотизм. Сдвиг общественного сознания от ортодоксального марксизма в сторону национальной державности дал 40 лет относительно мирной жизни, и титаническим напряжением был создан мощнейший потенциал. На мировой арене СССР стал силой, равновеликой совокупному Западу. Но энергия и потенциал разви-

1 Дочь Л. Добрянского Пола Добрянски, учившаяся у Зб. Бжезинского, заместитель государственного секретаря США при Буше-младшем и наставница Е. Чумаченко — будущей супруги президента В. Ющенко.

тия, свобода были скованы казавшимися все более абсурдными жесткими рамками, а идеология, утратившая впитанный в годы войны животворный дух, трактовала все аспекты жизни страны и мира в рамках износившихся клише.

Осмысление итогов советской эпохи будет продолжаться. Хотя уже немало размышлений было посвящено падению СССР и накопившимся в нем колоссальным проблемам, отсутствию стимулов и инструментов модернизации, экономического роста и дальнейшего развития, тупику советской идеологии, воспринимавшейся большинством уже с усталым скепсисом. Потребуется немало времени, чтобы *sine ire et studio* оценить все аспекты падения советской системы, увлекшей за собой тысячелетнюю государственность. Здесь же подчеркнем именно утрату того исторического сознания, которое позволило бы сохранить преемственную государственность, отказавшись от коммунистической идеологии и эксперимента, исчерпавшего себя в глазах даже лояльной к советскому режиму основной части общества. Но номенклатурная элита третьего советского поколения разочаровалась в коммунизме не столько как в инструменте развития собственной страны, как в препятствии для вхождения в элиту мировую.

Новые вызовы и прежние проблемы

Распад СССР и временная утрата внешнеполитических ориентиров породили иллюзии, что Россия никогда не вернет себе роль самостоятельного и суверенного субъекта. Началось неизбежное соперничество старых и новых амбициозных сил за российское наследство. Возобновилось не только давление по тем направлениям, по которым столетия назад на Россию наступали Ватикан и тевтоны, империя Габсбургов и Османская Турция, Япония, — на морские рубежи России, выход к которым сделал ее в свое время великой державой [Нарочницкая Н.А. Великие войны]. Как только стало заметным собирание национальной воли, идеологическое информационное давление на некоммунистическую Россию многократно возросло по сравнению с эпохой СССР.

Хотя в новое тысячелетие страна вступила, утратив свершения многих поколений, восстановление инстинкта самосохранения было неизбежным. Гуманитарные интервенции, поощрение эталонами демократии «цветных» революций, а на деле государственных переворотов, их политическое и военное вмешательство для продвижения своих интересов — все это привело к глубокому разочарованию в образе Запада и потере авторитета его адептов в российском обществе.

Возвращение национального чувства и восстановление ценности государственности как исторического континуума, ярко продемонстрированное в момент возвращения Крыма и Севастополя, а также спонтанным превращением Бессмертного полка во впечатляющий акт национального самосознания, не могли быть навязаны сверху. Уже в середине 1990-х годов в массовом сознании даже тех слоев, что склонны были в целом поддерживать общий курс на следование в фарватере Запада и искоренение «коммунистического прошлого», попытки отнять святыню Победы не встречали поддержки, а у огромной части общества вызвали полное неприятие и возмущение.

Продолжающаяся массивная атака на историю России-СССР и на смысл Второй мировой войны имеет целью не только полную и окончательную демонизацию советского эксперимента как такового, что уже вызывает обратную реакцию и отторжение у общества и даже ностальгические настроения. Пересмотр итогов Победы — это делегитимизация позиций СССР и его преемницы России в международной системе.

Исход нового противостояния предопределяют многие традиционные факторы — геополитика, экономика, военная сила, модернизация, технологии, национально-государственная воля. Как и в прошлом, огромную роль будет играть состояние общественного и исторического сознания России, особенно ее элиты и образованного слоя, в котором в XXI в. происходят весьма быстрые изменения, но не исчезли нигилизм и пренебрежение интересами собственного государства.

Русская интеллигенция прошлого владела основами общей всеевропейской культуры, что, не предполагая полного отрицания собственной истории, порождало идеи и дискуссии, будило мысль. Славянофилы и западники были не взаимоотрицанием, но взаимообогащением. Ближе к концу XIX в. российское западничество идейно оскудевает, а политическая энергия переходит к носителям революционного мировоззрения и радикальных взглядов, которые уже бросают вызов российскому государству. В.О. Ключевский, отметив в неопубликованных «Мыслях об интеллигенции» потенциально важную роль образованного слоя в формулировании проблем и запросов, одновременно весьма уничижительно охарактеризовал типический состав наиболее «громкой» публики своего времени:

«Классификация интеллигенции»

1. Люди с лоскутным мирозерцанием, сшитым из обрезков газетных и журнальных.
2. Сектанты с затверженными заповедями, но без образа мыслей и даже без способности к мышлению: марксисты, толстовцы etc.
3. Щепки, плывущие по течению, оппортунисты либеральные или консервативные, и без верований, и без мыслей, с одними словами и аппетитами» [Ключевский].

С.Л. Франк, вполне признававший назревшие проблемы государственной жизни и чаяния социальной справедливости, волнующие общества всего мира уже столетие, в свое время отметил еще одну фундаментальную черту российских либералов, еще ярче проявившуюся в XXI столетии: «Основная и конечная причина слабости нашей либеральной партии заключается в чисто духовном моменте: в отсутствии у нее самостоятельного и положительного *общественного мирозерцания*» [Из глубины... с. 316]

Советская интеллигенция позднего СССР родила идеологов, не дороживших преемственной государственностью, исторической территорией, итогами тысячелетней российской истории. Хотя в целом нельзя назвать этот слой необразованным, его сознание было заметно стерилизовано догматизмом и схематизмом, отсутствием доступа к подлинному философскому и культурному наследию не только России, но и Евро-

пы и, соответственно, слабым знанием этого наследия. Последнее же, постсоветское, поколение, в свою очередь подверглось сильному идеологическому влиянию новых упрощенных догматов, пришедших на смену коммунистическим клише. Значительную часть населения больших городов с формально высшим образованием уже трудно именовать интеллигенцией в силу чрезвычайного оскудения знаний в гуманитарной сфере, подвергшейся наибольшему разрушению.

В XXI в. клиповое сознание, «сшитое из обрезков» мнений в интернете, к тому же нередко генерируемых политическими технологиями в интересах других государств, не опирается на знание не только собственной, но и западной истории. В этом интеллектуальном и образовательном вакууме особенно эффективны политические технологии, воздействующие в условиях демократических свобод на анархические инстинкты и присущий русскому политическому сознанию радикализм и максимализм. «Русский радикализм отрицает не только все исторически действительное, но и все исторически осуществимое, — писал философ и правовед Е.Н. Трубецкой, — поэтому его максимализм на практике проявляется как нигилизм, дикая, ничем не сдержанная и ни перед чем не останавливающаяся страсть к разрушению. Из формулы *«или все, или ничего»* ему в действительности удастся добиться осуществления только второго термина — «ничего». Понятно, почему с этой формулой обыкновенно связывается другая, ей сродная и столь же нигилистическая — *«чем хуже, тем лучше»* [Трубецкой].

В российском обществе XXI в., так же как в предреволюционный период XX столетия, накопился значительный запас «анархических, противогосударственных и социально-разрушительных страстей и инстинктов», о котором в «покаянном» сборнике «Из глубины» оставили свои суждения видные мыслители предреволюционного периода. Как отмечал С.Л. Франк, хотя в то же время в том же обществе «были живы и большие силы патриотического, консервативного, духовно-здорового, национально-объединяющего направления», «весь ход так называемой революции состоял в постепенном отмирании, распылении, ухождении в какую-то политически-бездейственную глубь народной души сил этого последнего порядка». Процесс их вытеснения, писал Франк, «совершался под планомерным и упорным воздействием руководящей революционной интеллигенции... понадобилась полугодовая упорная, до иступления энергичная работа разнуздывания анархических инстинктов, чтобы народ окончательно потерял совесть и здравый государственный смысл и целиком отдался во власть чистокровных, ничем уже не стесняющихся демагогов» [Из глубины... с. 313–315].

В XXI в. образ диктующего идейную повестку слоя меняется не только в России, но и в Европе, что имеет как общие, так и специфические причины и черты. Меняются в максималистско-либертаристском веке нормы поведения, свобода мнений все отчетливее становится свободой оскорбить и очернить оппонента, свобода совести — свободой без совести. Демократия, изначально обеспечивавшая гармонию между воззрениями большинства и меньшинства, провозглашает право меньшинства попирать

все, что свято и дорого для большинства. Е.В. Спекторский, внимательно изучавший эволюцию западноевропейской политической системы в XX в., заметил уже тогда признаки ее искажения: «...во всех государствах, не исключая и демократии, действует... «железный закон олигархии», в силу которого всегда образуется правящий политический класс, господствующий над мнимо свободными индивидами» [Спекторский Христианство... с. 256. Подробнее см.: Бондарева Религиозная мысль...].

Падение нравов, упрощенность восприятия мира — неизбежный результат среди прочего падения духовной культуры, многократно ускоряемого неуклонным изъятием из общеобразовательных программ мировой классики, выражающей традиционные ценности и ставящей нравственные дилеммы. Болонская система отказа от национальных систем образования и глобализации образовательных услуг воплощает слова К.Н. Леонтьева о Европе, которая «погубила у себя самой все великое, изящное и святое» [Леонтьев, с. 27]. Можно вспомнить и грустные мысли А. де Токвиля, видевшего в будущем демократических стран «неисчислимы толпы равных и похожих друг на друга людей, которые тратят свою жизнь в неустанных поисках маленьких и пошлых радостей, заполняющих их души» [Токвиль, с. 497].

Постмодернистские идеи и клише неолиберализма — заменившего марксизм в качестве единственного «всесильного, потому что верного» учения, овладели университетским и академическим сообществом Европы и Америки, но также и России, едва восстановившей равновесие между национальным и универсальным. Студенчество, повсеместно лишенное классического образования и воспитания на национальной культуре, становится носителем новых стереотипных догм и с присущей молодости пламенностью выплескивает свои радикальные настроения в общественную жизнь, что в XXI в. облегчено во многих отношениях.

Новый технологический уклад везде быстро меняет состав общества, происходит падение престижа и финансового статуса профессий, связанных с созданием осязаемой продукции, не менее нужной обществу, чем в прошлые века. А именно в этих сферах в сознании «трудящейся личности» (Н. Бердяев) по-прежнему значимыми факторами являются земля — как природная среда обитания и как свидетель деяний предков, «территориальное сознание», реальные человеческие отношения, отношения человека и природы. Именно здесь, помимо целесообразности, действуют преемственные социокультурные установки. Понижение социального статуса массовых профессий в областях, которые обеспечивают «очаг и хлеб», лишает их представителей социальной энергии, которая уходит в ту самую «политически-бездейственную глубь народной души», о которой писал С.Л. Франк. (Эта среда также может рождать и рождает протестные настроения, но иной содержательной направленности.)

Профессии, более оторванные от реальной жизни, призванные ее лишь обслуживать — менеджер, программист, маркетолог, управленец и т.п., — оперируют максимально неодушевленными данными, где есть место лишь математически правильному,

но не дóлжному и праведному. Владение микрочипом в искаженном социуме XXI в. (в том числе российском) дает гораздо более высокий социальный и имущественный статус, чем самое передовое знание механики и агротехники, тем более знание и понимание собственной истории или гениев мировой и национальной культуры.

Культ «успешности» вне нравственных критериев, сопровождавший после крушения СССР радикально-западническое воспитание постсоветского поколения (в том числе преподавательского состава высшей школы), в новом технологическом укладе родил тип радикала, неосведомленного в собственной истории, не знающего и тех основ, что в свое время сделали Европу великой и привлекательной. Эта часть общества, хотя и не очень многочисленная, весьма громко проявляет свой радикальный протест. Вновь, как описывал Е.Н. Трубецкой, «вся русская революционная партия имеет тенденцию превратиться в секту, которая мнит себя единой спасающей церковью, а потому ненавидит все прочие секты, как еретические. Максимализм и доктринерство грозят остановить у нас всякую общественную жизнь: нельзя учиться в школе, потому что мы не имеем «истинно-демократической школы», нельзя законодательствовать в парламенте, потому что мы не имеем «истинно-народного представительства». Нельзя терпеть какую бы то ни было власть, пока власть не перейдет в руки народа» [Трубецкой].

Дальнейшее деструктивное реформирование гуманитарного образования и науки по новым западным лекалам, близорукое утилитарное стимулирование лишь тех сфер, которые ассоциируются с ускорением экономики и инновационными производствами, не устранят причин формирования новых поколений, отнюдь не мотивированных ценностями высокого порядка, невежественных и легко управляемых в век информационного общества.

Продолжение такого курса может лишь негативно повлиять и на формирование новых поколений властной элиты. Возникшая в рамках социологии «элитология», изучающая основания и критерии дифференциации общества, не случайно считается междисциплинарным знанием на стыке политологии, всеобщей истории, социальной психологии и культурологии. Такое понимание элитологии говорит о признании роли исторического сознания в формировании элит.

Регулярные социологические замеры по вопросу, «какие ценностные установки и мотивы лежат в основе властно-политической и управленческой деятельности современной правящей элиты России», фиксируют в качестве главной характеристики «отсутствие сочетания личностных и национально-государственных устремлений», что делает этот слой квазиэлитой — то есть элитой лишь по признаку обладания руководящими полномочиями. По оценкам экспертов, лишь около 10 % респондентов мотивированы «стремлением честно служить Отечеству» и «завоевать уважение народа», тогда как мотивации «владение властью», «стремление к высоким должностям», «доступ к богатствам страны», «обогащение» разделяют 55, 54, 35 и 46 % [Понеделков, Старостин, с. 15–23]. За последнее десятилетие, по сравнению с рубежом XXI в., когда

эти вопросы уже ставились экспертами [Гаман-Голутвина Метафизические... Российская интеллигенция...], не произошло позитивных изменений в формировании элиты — вместо псевдоэлиты, профиль который тревожно напоминает последнее десятилетие советского периода.

Судя по инициативам власти, налицо и обеспокоенность, и осознание востребованности в сегодняшней России совершенно иных мотиваций и иного сознания как в масштабе общества в целом, так и в среде самой управленческой элиты. Технократический подход годится для поощрения «граждан отечества», но рождает граждан гуманитарное образование и воспитание.

В России, отличающейся сильными территориальными контрастами и живущей «в трех веках», где высоты культуры и технологии перемешаны с архаикой, это ведет к разделению народа на две неравные цивилизации, где малая часть народа претендует диктовать свою повестку остальным.

В момент, когда проповедь политических идей уже вызывает оскомины, опасность оставаться «ленивым и нелюбопытным к собственной истории» (А.С. Пушкин) возрастает. Образование, воспитание и культура — кузница нравов, системы ценностей и гражданской ответственности. История и философия — эти главные орудия самосознания человечества и «питомники его идеалов» — в тяжелые времена приобретают большее, чем когда-либо, истинно жизненное значение.

Русский консервативный философ конца XIX в. П.Е. Астафьев назвал самым драматическим в истории время смятения человеческого самосознания — время, когда человек и нация, растерявшие положительные идеалы и веру, «остаются только со знанием того, чего они *не* хотят, во что *не* верят, и со всей оставшейся у них страстностью способны лишь *на критику и борьбу* против этого единственно им ведомого и ненавистного». Трудно не согласиться с мыслью философа, что выход состоит прежде всего в уяснении утраченного «*положительного содержания* его [человека] самосознания, во внесении света и порядка в смутный хаос его только отрицательных стремлений, в ясном определении того положительного идеала и критерия жизни, без которых человек... может только томительно и бессмысленно метаться...» [Астафьев, с. 93].

Уяснить очертания, масштаб, внутреннюю суть зримого вызова, понять взаимосвязь нового драматического момента российской истории с неумолимым ходом истории мировой — задача не из легких, но первостепенных. В век информационного общества особое значение обретают духовный и мировоззренческий суверенитет, способность противостоять информационному давлению и сохранять уважение к собственному прошлому, дорожить своим историческим и культурным наследием, без чего никакое улучшение государственных порядков, никакие экономические преобразования и модернизация не способны обеспечить достойное будущее.

Литература

- Альфред Теннисон и англо-российские отношения: к вопросу о литературных стереотипах и предрассудках // *Культура народов Причерноморья*. 2003. № 37. С. 271–274.
- Анищенко Г. Дискуссионный клуб. Февраль великого перелома. К 100-летию Февральской революции // *Русская стратегия*. — URL: <http://rys-strategia.ru/publ/1-1-0-1922> (дата обращения: 23.02.2021).
- Астафьев П.Е. Смысл истории и идеалы прогресса. Философия нации и единство мировоззрения. М. 2000.
- Бабурин С.Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. М. 1997.
- Бабурин С.Н. Территория государства: теоретико-правовые проблемы Автореферат Диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. М. 1998.
- Бачило И.Л. Факторы, влияющие на государственность // *Государство и право*. 1993. № 7.
- Бондарева Е.А. Pax Rossica. Русская государственность в трудах историков зарубежья. М. 2012.
- Бондарева Е.А. Религиозная мысль русского зарубежья об исторических судьбах России // *Вопросы истории*. 2001. №9.
- Вернадский Г.В. Русская историография. М. 1998.
- Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М. 1991.
- Винниченко О.Ю. Российская государственность в контексте цивилизационного развития. Тюмень. 2008.
- Гаман-Голутвина О.В. Метафизические измерения трансформаций российских элит. // *Политическая концептология*. 2012. №3. С. 38–53. — URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/metafizicheskiye_izmerenija_transformacij_rossijskih_elit_2013-0... (дата обращения: 24.02.2021).
- Данилевский Н.Я. Горе победителям. М. 1998. — URL: hrono.ru/libris/lib_d/gore1.html (дата обращения: 24.02.2021).
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С-Пб. 1995.
- Зызыкин М. Царская власть и Закон о престолонаследии. София. 1924.
- Из глубины. Сборник статей о русской революции. Нью-Йорк. 1991.
- Ильин И. Основы христианской культуры. М. 2011
- Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М. 1989.
- Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Париж. 1959.
- Катков М.Н. Имперское слово. М. 2002.
- Киссинджер Г. Дипломатия. М. 1997.
- Ключевский В.О. Неопубликованные произведения М. 1983.
- Леонтьев К. Моя литературная судьба. М. 2002.
- Лосский Н.О. Характер русского народа. Книга первая. Посев. 1957.
- Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века // *Скепсис*. Гл. 4. — URL: scep sis.net/library/id_883.html (дата обращения: 24.02.2021).
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 8. Революция и контрреволюция в Германии. М. 1957.
- Нарочницкая Л.И. Россия и национально-освободительное движение на Балканах. 1875–1878 гг. М. 1979.
- Нарочницкая Н.А. Великие войны XX столетия. М. 2020.

Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М. 2005.

Обращение митрополита Сергия (Страгородского) 22 июня 1941 года // Правмир. — URL: pravmir.ru/obrashhenie-mitropolita-sergiya-stragorodskogo-22-iyunya-1941-goda/ (дата обращения: 24.02.2021).

Понеделков А.В., Старостин А.М. Современная российская элитная репрезентация в экспертном измерении // Коммуникология. 2016. Том 4. № 6.

Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах Союза ССР» от 15.05.1934 // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. — URL: libussr.ru/doc_ussr/ussr_3989.htm (дата обращения: 24.02.2021).

Пушкин. А.С. Рославлев. ПСС. 1978. Т. 6.

Российская интеллигенция и власть // Человеческий потенциал России: интеллектуальное, социальное, культурное измерения. М., 2002.

Сенявская Е.С. Фронтовое поколение Великой Отечественной: Социально-психологический феномен // «Перспективы. Электронный журнал». 2015. №2. С. 50–61. — URL: http://perspektivy.info/upload/iblock/618/2_2015.29.06.pdf (дата обращения: 24.02.2021).

Спекторский Е.В. Принципы европейской политики России в XIX и XX веках. Библиотека Русской Матицы. Любляна. 1936.

Спекторский Е.В. Христианство и культура. Прага. 1925.

Сталинград. 1942–1943. Величайший провал Гитлера. Сталинградская битва глазами американских и британских журналистов. М. 2020. С. 219–220.

Токвиль А. де. Демократия в Америке. М. 1992.

Трубецкой Е.Н. Сочинения. Максимализм. — URL: litres.ru/evgeniy-trubeckoy/maksimalizm/ (дата обращения: 24.02.2021).

Ульянов Н. Скрипты: Сборник статей. Ann Arbor, Michigan. 1981. — URL: rulit.me/books/skripty-sbornik-statej-read-210366-92.html (дата обращения: 24.02.2021).

Шабуров А.С. Государство и государственность: вопросы соотношения. // Известия Байкальского государственного университета. 2012. N 3.

Bray W.G. Russian Frontiers: From Moscovy to Chrushev. N.Y. 1963.

Brzezinski Z. Between two Ages. America's Role in the Technotronic Era. N.Y. 1970.

Dobryansky L. The Vulnerable Russians. New York. 1967.

Huntington S. The Clash of Civilizations. 1995.

Jouin E. L'après-guerre, la guerre, l'avant-guerre 1870–1914–1927. Paris. 1927. P. 63.

McFaul M. How to Contain Putin's Russia. A Strategy for Countering a Rising Revisionist Power // Foreign Affairs. 19.01.2021.

Scharlau W.B., Zeman Z.A. Freibeuter der Revolution : Parvus-Helphand. Eine politische Biographie. Köln. 1964.

Times. 22.02.1943.